

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ ЮРСКИЙ, народный артист России, лауреат многочисленных премий, режиссер, писатель. В нашей беседе мы постарались коснуться всех профессий этого талантливого человека. Разговор получился достаточно серьезным. Хотя иначе и быть не могло - задавать Юрскому банальные вопросы о любимых блюдах и увлечениях я просто не посмел. Признаюсь честно, встречи с Сергеем Юрьевичем Юрским я добивался не один месяц. За несколько минут до начала разговора он предупредил меня, что сможет уделить нашей беседе всего 15 минут. Однако то ли волею судьбы, то ли самого Сергея Юрьевича, что скорее всего, мы проговорили более часа.

- Сергей Юрьевич, через неделю мы будем отмечать 850-летний юбилей столицы. Вы много лет прослужили на сцене петербургского Театра имени Товстоногова. Я знаю, что в Москву вы переехали в то время, когда в Ленинграде вам почти не давали работать. Можно ли говорить, что Москва спасла вас?

- Москва всегда была моим городом - я здесь провел свое детство. И в течение всей моей петербургской театральной жизни Москва меня очень любила. Ну и я ее любил взаимно. С БДТ я здесь играл все свои спектакли, здесь показывал все свои программы. Когда я в Москву переехал насовсем, то любовь несколько поухля. И это естественно. Все равно когда ты раз или два приходишь в гости к кому-то, и тебе все там нравится. Но стоит тебе остаться в гостях навсегда, все сразу становится по-другому. Первое время мне было тяжело в Москве. Я должен был понять, имею ли я право здесь жить, жить так, как я считаю нужным. Москва - строгий город, и, как всякая столица, она требует участия в кланах. А я к этому не склонен. Если говорить о городах, которые меня спасали, то это были Тбилиси и Баку. Так уж случилось... Сегодняшняя Москва мне нравится. Она стала красивой. По-моему, какая-то американская.

- А по-моему, просто европейская.

- Нет, именно американская.

- И памятники Церетели лишь раз это подчеркивают?

- Вы о памятнике Петру, что ли? По-моему, это просто шутка какая-то. Уж очень он большой и выглядит весьма претенциозно. Другое дело, если он был бы сантиметром тридцать и изготовлен из папье-маше. Тогда Петр выглядел бы недурно.

- Сергей Юрьевич, а я ведь хочу поздравить вас с премьерой.

- Интересно, с какой же?

- Ну как же? Буквально вчера я приобрел книгу ваших стихов. Так что вы теперь не только артист, но и поэт. Только вот какой вопрос напрашивается: почему свою книгу вы назвали коротким и жестким словом "Жест"? Что вы хотите этим сказать?

- Да ничего я не хочу этим сказать. Назвал так потому... Потому что буква "Ж" красивая.

- Что ж, ответ весьма исчерпывающий. Для меня, признаюсь, было полной неожиданностью, что вы пишете стихи.

- Для меня тоже. Вообще стихи я пишу давно. Но никогда не считал их предметом, достойным вынесения на общественное обсуждение. На эту книгу написана очень хорошая рецензия. Мне очень хочется поблагодарить автора. Я, к сожалению, не знаю, кто он, и надеюсь, что он прочтет "Мир новостей" и услышит мои слова благодарности.

- В своей книге вы пишете, что в 80-е годы пережили период глубочайшей депрессии. В чем же была ее причина?

- Во-первых, в том, что я никак не мог выйти из отчаяния. Отчаяния из-за моего разочарования в собственных идеалах. Хорошо

написал один автор: "Мы все из гайдаровцев". Я ведь действительно был воспитан на Гайдаре. И когда это все рухнуло - понятия справедливости, верности и чести, то вдруг оказалось, что человек живет по другим законам. Что человеческая природа совсем другая. Все вообще другое. Для меня это вылилось через 21 августа 1968 года, когда наша страна ввела танки в Чехословакию. В то время сила была предъявлена как основной аргумент. Но самым страшным для меня было то, что чехи, которых я хорошо знал, вдруг переменились. На моих глазах они стали предавать друг друга. Вот отсюда и началась моя депрессия. А потом на нее наложились всякие запреты, болезни. После добавилось и все то, что было связано с перестройкой. Мне было очень тяжело найти свое место, понять цель своего существования на Земле.

- Однако вы строго определяете границы своего тогдашнего состояния - с 1968 по 1990 год. Почему?

- Я мог бы сказать, но не хочется касаться этой темы. Не потому что я скрываю что-то.

- Была. Актером я хотел быть всегда, лет, наверное, с четырнадцати. Но учился я на юридическом факультете университета и к учебе относился всерьез. Хотя теперь я полагаю, что эта профессия мне бы не подошла, и я не смог бы ею заниматься. То, что я ее покинул, - это, наверное, счастье.

- И судьба?

- Да, и судьба. Но, может быть, я мог бы стать или писателем, или

"УНЫНИЕ ДЛЯ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ СЧИТАЛОСЬ ХОРОШИМ ТОНОМ"

Просто эта тема требует отдельно и серьезного разговора.

- Насколько я понял, в 1990 году в вашей жизни что-то произошло?

- Произошло. Очень долгим путем я пришел к тому, что крестился. Это было очень большим событием в моей жизни. Не могу сказать, что после этого я сильно переменился. Просто пришли несколько иные аспекты внимания.

- И у вас появилось убеждение, я цитирую, что "уныние - это грех"?

- Скажем так. Тогда для меня это было большой новостью. У моего поколения, родившегося в 30-е годы, то есть атеистов, уныние считалось хорошим тоном. На вопрос, как живешь, всегда отвечали примерно так: "Ну, сам понимаешь. Как можно жить?" Хорошим тоном считалось несовершенство мира, несовершенство себя и всего вокруг. Сейчас все это ушло, и хорошо, что ушло. В унынии нет ничего хорошего. Но как всегда с уходом чего-нибудь, даже болезни, наступает пустота. И я уверен, что у всех этих веселых людей, которых я часто встречаю, такое чувство пустоты.

- Вы согласны с мнением, что актерская профессия не богоугодна?

- Отчасти это так. Для того чтобы она стала богоугодной, нужен взлет. Я вообще не стыжусь своей профессии. И полагаю, что на своей жизненной дороге видел и взлеты, и падения. И это было божественно и незабываемо. Но для того чтобы взлететь, необходимо долго разбегаться. А это дело очень нелегкое. И в разбеге, наверное, каждый шаг греховен. Но это, по-моему, не самое страшное.

- У вас была какая-нибудь альтернатива актерству?

журналистом. Это я начал понимать только сегодня. Но о том, что случилось в моей жизни, я не жалею.

- Тем более что писателем вы все-таки стали.

- Да, таким доморожденным писателем.

- Во что вы верите, Сергей Юрьевич?

- Верю в справедливость. Хотя это тоже, наверное, грех. Видите, мы везде натыкаемся на грех. Но если не грешить, то, мне кажется, очень нехорошие люди получают. Даже жуткие, потому что для них ничего нет - ни справедливости, ни искусства. Есть только фанатизм. И это ужасно. Вообще, справедливость - это сложное слово. Я воспитан, как уже упомянул, в поколении, которое стояло на справедливости. А сейчас время более жестокое.

- Оно вам нравится?

- Скажу так, я на время не жалуюсь.

- Вы говорили о своем поколении. А что думаете о поколении сегодняшнем?

- Я чувствую (именно не знаю, а чувствую), что сегодня существует большая разница между 20-летними и 30-летними. В мое время все было более-менее цельно - почти все родились при Сталине и почти все поступали в институты на грани смерти Сталина. А сейчас одни родились при Брежневе, а другие вообще ничего не слышали о социализме. Сегодня от тюрьмы до миллионера - один шаг. Я не могу понять нынешних молодых людей. Вот недавно я ездил на пароходе, между прочим, первый раз в жизни, и видел молодых людей, которых мне никогда не догнать и не понять.

- А хотелось бы?

- Хотелось. Интерес-

но понять, кто эти спокойные, богатые, уравновешенные...

- ...самодовольные...

- Не знаю. "Самодовольные" - это вроде я уже их обвиняю. А я не хочу этого делать. Но жизнь сегодняшней молодежи настолько отличается от моей, что, мне кажется, я никогда не смогу их понять. Для меня молодежь - это толпы, которые, поднимая вверх руки, что-то скандируют. Я никак не могу понять, как артист, только выходя на сцену, с первой ноты показывает, что надо хлопать. Это очень тревожный симптом, который меня ужасает. Это ничуть не лучше, если не хуже, физкультурных парадов, которые устраивал Сталин.

- А со своей дочерью вы находите общий язык? Вам знакома проблема отцов и детей, тем более вы живете вместе, в одной квартире?

- Пока Бог миловал. Серьезных конфликтов не было. Мы с Дашей достаточно уважаем друг друга.

- С Дарьей Юрской вы играете в одном спектакле на мхатовской сцене. Вы довольны ею как актрисой?

- Дарья - хорошая актриса. Редкая актриса. Это я могу сказать совершенно определенно, не боясь, что меня обвинят в предвзятости. Она - профессионал и сама может оценивать качество своего состояния. Она может изменить себя, если это потребуется. А человек, владеющий собой, - это и есть актер.

- Не так давно Дарья Сергеевна стала лауреатом новой теат-

ральной премии. Вы согласны с решением жюри? И вообще, что вы думаете о многочисленных премиях, которые то и дело присуждают нашим артистам?

- Все эти премии и рейтинги я подозреваю, во-первых, в случайности, а во-вторых... Да вообще все это липа. И говорить о справедливости или несправедливости жюри я не могу. Ведь оглядеть всю Москву или всю Россию невозможно. Сегодня почти любой артист, если очень хочет получить премию, может этого добиться. Можно найти покровителей и, учредив какую-нибудь награду, тут же спокойно стать ее обладателем. Это сейчас возможно. Мало того, именно это сейчас и происходит.

- Вы полагаете, это влияние времени?

- Да, и деваться от этого некуда. Я хорошо помню, как раньше артисты кричали, что пора отказаться от званий. Я в это никогда не верил. И в результате с горькой насмешкой наблюдал, как все потом приняли за зашистую свои регалии. Перед выходом на сцену напоминали ведущему: "Я такой-то, такой-то и еще такой-то. Не забудьте". Это просто человеческая природа, к которой мы раньше относились идеалистически.

- Уж коль скоро мы заговорили о человеческой природе, процитируйте слова Эдгарда Радзинского о том, что "русская нация всегда

была больна наивным романтизмом". Вы согласны?

- Конечно. Я же говорил, что мы - гайдаровцы.

- Это плохо, на ваш взгляд? Оказалось, что плохо. Потому что не соответствует реальной жизни. А вообще-то это замечательно. Но только в том случае, если тепличное растение все время сохранять в теплице. Но если пошел град, или того хуже, бомбардировка, это чудовищно.

- Насколько я понял из вашей книги, вы были потрясены фильмом Федерико Феллини "8 1/2".

- Несомненно.

- А есть ли такой фильм сего-

дня?

- К сожалению, нет. Есть несколько фильмов, которые мне нравятся. Но картин, которые изменили бы мое мировоззрение, как это сделал "8 1/2", я пока не видел. И позвольте мне на минутку с вами поменяться местами и спросить вас, Игорь: "Какой фильм в последнее время изменил ваше мировоззрение?"

- Мне очень понравилась картина "Брат" Алексея Балабанова.

- Я много слышал об этой картине, и сам режиссер мне очень нравится.

- Но я не могу сказать, что этот фильм изменил меня.

- Вот! Что же произошло?! Было время, когда из-за произведений искусства люди сталкивались на полную катушку. Я имел честь играть Чацкого в "Горе от ума", и на спектаклях не раз возникали драки!

- Но когда-нибудь произойдут изменения в нашем кинематографе? Даже не когда-нибудь, это само собой разумеется, а в скором времени.

- Когда-нибудь действительно произойдут. А пока... Я предлагаю по мере возможности сохранить в себе состояние ожидания.

- Вы раньше много работали не только здесь, но и за границей. Сегодня нет таких планов?

- Я должен ставить спектакль в Японии. В сентябре мы будем обсуждать этот вопрос с японской стороной. С каждым годом работать за рубежом становится все сложнее. И дело даже не в том, что приглашают или нет, а, кстати, теперь не очень и приглашают, а в том, что я стал чувствовать большую ответственность. Я начинаю задумываться о том, во имя чего я оставлю Россию. Вопрос денег тут не стоит. Деньги зарабатывают и здесь. И эти способы мне хорошо известны.

- Сергей Юрьевич, не могу не задать вам уже ставший традиционным вопрос: какая у вас любимая поговорка или поговорка? Мне кажется, что, рассказав об этом, человек как бы сам добавляет последний штрих к своему портрету.

- Недавно я нарочно запоминал всякие умные поговорки как раз на случай такого вопроса. А теперь снова забыл. В голову лезет всякая глупость типа семь раз отмерь - один отрежь. Но люблю я вовсе не эту поговорку. Зато могу сказать вам свой любимый тост. В этом деле я профессионал. Мне нравятся круговые тосты, и я произнесу вам фразу, которая мне кажется очень глубокой: "Не так велик, но более велик".

- Да! Невольно хочется поставить многозначительное и благодарить за беседу. Но после прочтения вашего "Жеста" у меня возник еще один вопрос. Если я правильно понял, то вы очень суеверный человек. Это действительно так?

- Да это так. Но я стараюсь бороться с этим. Как всякий актер, я суеверен, но пытаюсь постепенно от этого освободиться. Сегодня вообще суеверию и зазеркалью придаю слишком много значения и на этой почве люди даже сходят с ума. На мой взгляд, единственное спасение от сатанизма, окружающего нас, религия. Люди придумывают столько сатанинских соблазнов - на каждом шагу тебе предлагают такие страшные вещи, что просто диву даешься. И задача искусства сегодня еще и в том, чтобы держать линию нормального света.

Игорь Изгаршев

